

Маяк современного просвещения и образованности

Часть 5

УДК 93
ББК 63.3
М39

М39 Маяк современного просвещения и образованности: Часть 5 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 183 с.

ISBN 978-5-517-93306-5

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93306-5

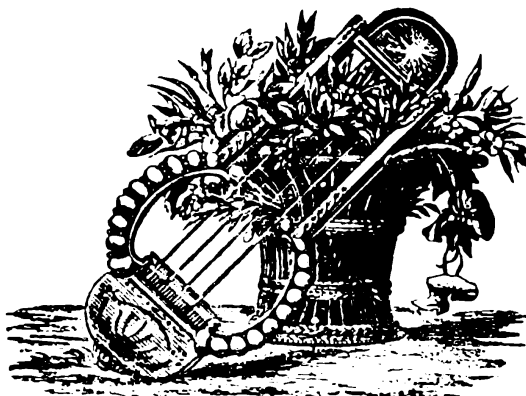
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКОЕ СЛОВО.

М.... Г.... ВОЙ.

Я люблю языкъ прекрасный
Чудной Русской стороны;
Русской рѣчи строй согласный,
Будто лепетъ сладкогласный
Перекаистой воды;
Будто звучный громъ потока,
Эхо музыки живой,
Будто гимнъ пѣвца востока,
Друга розы молодой.
Съ давнихъ поръ онъ въ душу всѣянъ,
Говоръ — звуковъ красота,
Сердцемъ Русскимъ возлелѣянъ,
Вложенъ въ Русскія уста.
Былъ согрѣтъ онъ счастьемъ славы,
Былъ весельемъ разцвѣченъ,
Былъ и горечью отравы
Отъ судьбы онъ напоенъ.
Такъ пройдя троюмъ суровой
Поле тысячи годовъ,

Часть V. Гл. II

Гармоническое слово
Льется, полно жизни новой,
Въ груди пламенныхъ сыновъ.
Грусть ли на сердце заноситъ,
Горе ли въ душу западетъ,
Съ сердца грусть оно смоетъ,
И душа съ нимъ отдохнетъ.
Если жъ радостно зажжется
Утро жизни молодой,
Устъ багрянецъ засмѣется,
Вспыхнутъ очи светлой:
О! тогда весь жаръ кипучій
Въ слово яркое войдетъ,
И оно струей пѣвучей
Сбрызнетъ звуки въ хоръ летучій,
Мѣлкой трелью разбѣжитъ.
Если жъ молвитъ стройной рѣчью
Красной дѣвъ милый другъ,
Приклонясь къ ея плечью

4

Про сердечный свой недугъ,
Страсти пламень, чувства море,
Цѣлый міръ любви святой,
Въ стройномъ Русскомъ разговорѣ
Зазвучитъ предъ красотой.
И она отвѣтитъ нѣжно,
Будто птичка запоетъ,
И счастливица блѣснѣжной
Ручкой - дивомъ обовѣтъ.

Вотъ каковъ языкъ державный
Царства Русскаго органъ,
Голосъ Руси православной,
Чудодѣйный талисманъ!
Русью славенъ онъ и звученъ,
Русью пылокъ и могучъ,
Духъ родимый въ немъ заученъ,
Онъ къ сердечной двери ключъ.
Жрецъ его, я пламенью
Жертвой чистою ему,
Въ немъ я думою моею
И витаю и живу.

Ученица дорогая,
Дѣва милая моя,
Полюби же, изучай,
Звуки отческаго края,
Слово чувства и огня!
Что въ красѣ чужихъ нарѣчій!
То ли дѣло звукъ родной,
И волшебство Русской рѣчи,
И напѣвъ ея живой!

Я. ЩЕТКИНЪ.

ЛОКОНЪ.

Русый локонъ, локонъ диво!
Въ первый разъ заглянулъ ты
Надъ челою ея, игриво,
Полонъ чудной красоты.
Въ первый разъ, ты струйкой нѣжной
Льешься, вьешься, какъ шутя
По ланитѣ блѣснѣжной,
Къ ней приластлся, какъ дитя.
Въ первый разъ, и — какъ ужъ ловко
Чародействуетъ тобой
Дѣва прелестя; то головкой
Заструитъ тебя перой.
То затрогаетъ такъ нѣжно,
То откинетъ отъ чела,
То на мальчишкѣ небрежно
Вьетъ, то снова расплела.
Русый локонъ, локонъ диво!
Ты волшебницей ей данъ,

Какъ подарокъ особенный,
Какъ могучій талисманъ.
Изъ подъ зыбкаго разбѣга
Твоихъ змѣйчатыхъ кудрей —
Маятъ розы, дышетъ нѣга
Отъ лавровыхъ очей.
И улыбка — чаровница,
Какъ въ прозрачныхъ облакахъ
Перелетная зарница
Чуть играетъ на устахъ!

То-ли дѣло локонъ черный,
Въ лоскъ, въ розсыпи кудрей;
То волнуется покорно,
То ласкается зыбь лилей. —
То привьется къ розѣ нѣжной
То, лэвить ее, какъ змѣй,
Какъ ревнивецъ неизбѣжный.
Заслоня отъ очей. —
То вдругъ тучею взыграетъ
И разпыснетъ кругомъ;
Засверкаетъ, запылаетъ —
И прикинется надъ челою.
То чело — звѣзда вѣнчается
Вкругъ объемля волоса;
Но лучей она не знаетъ:
Всѣ лучи сошли въ глаза.

А. ВЫ — СКОЙ.

О Ч И.

Звѣзды очи — лазурь ночи,
Путеводный неба даръ!
Дѣвы очи, чудо очи!
Зной, и пламень, и пожаръ.

Словно мѣсяцъ надъ волнами
Слиткомъ радужныхъ лучей
Вы горите, а надъ вами —
Туча темная бровей.

Эта туча мглой отлива
Набѣгаетъ ли на васъ,
И зарницею игривой —
Блещетъ ярче вашъ атласъ.

Дѣвы очи — жизни море,
Для кого жъ таете вы
Въ этой нѣгѣ, въ этомъ взорѣ
Предвозвѣстіе любви? . . .

Кто тотъ смертный? . . . онъ во многомъ
Чародемъ долженъ быть;
Чародемъ, полубодемъ,

Чтобь могли вы полюбить; —
 Чтобь могли, не опалия,
 Полной роскошью свѣтлѣть,
 И чаруя, и лаская,
 Не заставить умереть.

Я не вынесъ! Два, три раза
 На меня сверкнули вы —
 И, въ груди кипитъ зараза
 Неизъданной любви!

О, молю васъ, не глядите;
 Сердцу страшно за себя;
 Не томите, не маните,
 Вы сожжете подлюба.

Полюбя сожжете?... Что же,
 Колебаться буду ль я?...
 Нѣтъ, мнѣ счастья мигъ дороже
 Долголѣтъ бытія.

Ваше все! Остатокъ жизни,
 Какъ *опыляющую свѣчу*
 Въ жертву вамъ, безъ укоризны
 Въ нашемъ пламѣ засвѣчу.

А. ВЫ — СКОЙ.

МѢХЪ И УГОЛЬ,

*Подражаніе новой басни Виенне, увѣнчанной
 въ послѣднемъ засѣданіи палаты Парижскихъ
 академій. *)*

Передъ костромъ щепы, обрубковъ но-
 вой хаты —
 Горячій уголёкъ величійной съ орѣхъ
 Упалъ съ печной лопаты;

А тутъ-же у костра — на грѣхъ —
 Торчалъ и раздувальнѣй мѣхъ.

„Бѣдняжка! угольку бормочетъ поджи-
 гало:

„Что будетъ безъ меня съ тобой?

„Въ минуту жаръ застынетъ твой

„Какъ будто бы его и не бывало,

„И пригодишься ты, мой жалкій уго-
 лёкъ,

„На то, чтобы тобой — (за немѣнѣемъ
 мѣла)

*) Съ истиннымъ удовольствіемъ передаемъ
 смыслъ этой остроумной басни въ подтвержде-
 ніе сказаннаго нами читателями Маяка, объ из-
 мѣненіи духа Французской словесности и направ-
 леніи ея отъ неистовства къ новой, высшей,
 благородившей цѣли. Дай Богъ не сглазить!
 Редакт.

„Шалунъ, забравшись въ уголокъ,
 „Мараль каракули! . . . Тебѣ задамъ я
 дѣла,

„Подую на тебя и пламени давъ токъ,
 „И отражу твой блескъ надъ мглой ду-
 бравной сѣни

„Такою яркостью лучей,

„Что передъ славою твоей

„Падетъ потомство на колѣни,

„И въ честь тебѣ, временъ новѣйшихъ
 геній,

„Съ молвой народной въ ладъ,

„Журналы — гимны прогремѣтъ.“

Мѣхъ дунулъ разъ, два три — и уголь
 нмѣ раздутый

Восторгомъ засверкалъ, запрядалъ — самъ
 не свой,

Несется, искрится надъ мѣлкою щепой,
 И запалилъ костеръ; но не прошло ми-
 нуты

Съ тѣхъ поръ какъ тотъ костеръ
 сухой

Зардѣвшись съ громкимъ трес-
 комъ,

Утѣшилъ нашего героя пыльнымъ блес-
 комъ, —

Бѣдняжка въ искрахъ весь разсыпался
 надъ нимъ;

И мѣхъ — надутый поджигало —

Сгорѣлъ съ наперсникомъ своимъ....

Гдѣ жъ слава ихъ? Оборотилась въ
 дымъ!

Отъ мѣха дуло лишь осталось

Безъ жизни, безъ души

Зарытое въ пыли, въ глуши

Вы, раздуватели народнаго пожара —

И вы, сердца исполненныя жара,

Орудья жалкія народныхъ бѣдъ и смутъ!

Пусть мѣхъ и уголёкъ урокъ вамъ по-
 дадутъ.

П. К — въ.

ЧЕРВЯКЪ.

(въ Греческомъ вкусѣ).

Жизнь человека есть Гордіевъ узелъ, такъ
 что чѣмъ больше
 Мы разсуждаемъ объ ней, больше себя
 тяготимъ,

И только мечь Александра — смерть разсче-
тетъ намъ его.

Пусть мудрецы-пустословы кричатъ:
почему Богъ имъ не далъ
Денегъ и власти; межъ тѣмъ какъ нѣмѣ
вельможи
Смѣтно ѣдятъ и славно живутъ безъ осо-
бой причины.

Станетъ ли хлѣбъ упрекать пекаря, по-
чему онъ не сладокъ?
Такъ червяку ль-человѣку, кричатъ сво-
имъ слабымъ унишкомъ,
Какъ? почему? и зачѣмъ, Богъ его соз-
далъ такимъ?

Древнѣе врази довольно; Бенгальскіе, Кон-
диллякскіе, и другіе
Также любяли поврать.... — всѣмъ имъ
типунъ на языкъ!
Впрочемъ *de mortuis bene aut nihil*, сказа-
ли они же,
Такъ мы теперь и объ нихъ, и объ жи-
зни своей помолчимъ.

Глухо не вѣрить Творцу, и напрасныя
дѣлать усилія,
Открыть своимъ слабымъ умомъ, то что
ждетъ человѣка за гробомъ.
Не лучше ль взглянуть на природу; она,
какъ ручей свѣтозарный,
Сказанія Творца отражаетъ въ своихъ
чудесахъ и дѣлахъ.

Взгляните — весна разыгралась, и вотъ
на зеленомъ листочкѣ
Сапфирной головкой склоняясь, ползетъ
изумрудный червякъ;
И бѣдный листокъ для него, какъ для
насъ шаръ земной безграниченъ.
Нашъ день для него цѣлый вѣкъ, и вотъ
ужъ облеченный корою,
Какъ саваномъ, онъ недвижимъ, лежитъ
ожидавъ возстанія;
Но вотъ заиграла заря, засіяла денница
въ лазури,
Червякъ востепенулся, и вдругъ, распра-
вивъ златистыя крылья,
Въ эфиръ полетѣлъ мотылькомъ, отды-
хавъ на тюльпанахъ и розахъ.

Такъ точно и жизнь человѣка прохо-
дитъ. Сперва пресмыкался,
Какъ червь, онъ ползетъ и трудится,
потомъ возвращается въ чрево
Матери общей — земли; эта твердая мать,
человѣка

Къ лучшей жизни готовить, чѣмъ нѣ-
жная кровная мать.
Здѣшняя жизнь испытанія, а тамъ воз-
раждается смертный,
Къ жизни безсмертной; чтобъ какъ мо-
тылекъ среди сада,
Блаженствовать въ Царствѣ небесномъ,
если былъ жизнью доволенъ,
Какъ жесткимъ листочкомъ червякъ;
если въ любви и страданіи
Исполнилъ свое назначеніе, и выплакавъ
всѣ свои слезы.

ДЖУНКОВСКІЙ.

ПРАХЪ НАПОЛЕОНА.

Народъ шумитъ на площадяхъ Парижа;
Народъ шумитъ въ Палатахъ и домахъ;
И требуетъ Наполеона прахъ
И маршала, и солдата, и гражданина.

Вдали же
Отъ шумныхъ береговъ, отъ оживлен-
ныхъ странъ
Въ надеждѣ получить прахъ сильнаго
владыки....

Кипитъ, бурлитъ, реветъ мятежный оке-
анъ,

И въ голосъ громовой, валовъ сливая
клики,

Въ пучину влажную зоветъ вождя вож-
дей —

Онъ охранялъ его въ дни бѣдствій отъ
людей,

И панихиды пѣлъ..... Кто переси-
литъ въ спорѣ,

Иль человѣчество, иль ропотное море?
Рѣшить законъ судьбы.... Фрегатъ ужъ
на волнахъ,

И люди, и валы зовутъ Героя прахъ.....

ДЖУНКОВСКІЙ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ. (*)

Голубое небо
Вдругъ покрылось тучей,
Молодое сердце
Омрачилось горемъ.
Ахъ, за чѣмъ ты, небо

(*) Прелестное стихотвореніе: „Думи по-
эта“ помѣщенное въ IV части и принадлежа-
щее одному и тому же Поэту, по ошибкѣ
корректора оскорблено подписью мужескаго
имени *Махильевъ*. Сдѣвшимъ загладить свою
тажкую вину. Редакт.

Вдругъ покрылось тучей?
 Отчего ты сердце
 Омрачилось горемъ?
 Набѣжала туча,
 Отвѣчаетъ небо;
 Посѣтило горе,
 Говоритъ мнѣ сердце.
 Но не льзя ли тучу
 Съ голубаго неба
 Свѣять южнымъ вѣтромъ?
 Нѣтъ ли средства, горе
 Молодаго сердца
 Разогнать весельемъ?
 Нѣтъ: густая туча
 Разольется влагой
 И дождемъ отбрызнетъ;
 Обольется сердце
 Отъ земнаго горя,
 Какъ дождемъ, слезами.
 Какъ промчится туча,
 Солнышко проглянетъ
 На прозрачномъ небѣ;
 А пройдетъ мручина,
 Радость заблестаетъ
 Въ обновленномъ сердцѣ.

В. МАКШЬЕВА.

ДВА АНГЕЛА

Посвящается А. Е. Лачинову.

„Какъ только родился на свѣтъ чело-
 вѣкъ, —
 Мнѣ въ дѣтствѣ такъ няня моя говорила,
 Двухъ Ангеловъ шлетъ къ нему Божія
 сила,
 И Ангелы тѣ берегутъ его вѣкъ.
 Одинъ изъ нихъ Ангелъ духъ добрый,
 прекрасный
 И съ правой стоитъ онъ всегда стороны,
 Другой всегда съ лѣвой, духъ злобный,
 опасный,
 Онъ также хорошъ, но съ душой сатаны.
 И если ты доброе сдѣлаешь дѣло —
 На душу повѣетъ крыломъ серафимъ,
 Но чуть лишь что злое въ умѣ проле-
 тѣло —
 Крыломъ тебя демонъ одѣнетъ своимъ.“
 Храня всегда свято разсказъ своей няни,
 Младенческимъ сердцемъ добро я любилъ,
 Не зналъ ни печали, ни слезъ, ни стра-
 даній,

И съ волею мыслей и чувствъ и жела-
 ній —

Одно лишь благое сдружилъ, породнилъ.
 И жизнь моя, нѣжной рукою хранима,
 Неслась, и ее миновала печаль.

И счастливъ я былъ подъ крыломъ Се-
 рафима,
 Недобрый же ангелъ скрывался все въ
 даль.

Такъ дѣтство промчалось, и юность мгно-
 венно

Инымъ бытіемъ мнѣ наполнила грудь,
 И опытъ неожиданно рукою дерзновенной
 Въ душѣ моей пламень стасилъ вдохно-
 венный,

Толкнувъ сиротою на новый мнѣ путь.
 И годы бѣжали; завѣтъ моей няни
 Утратилъ я скоро изъ пылкой души,
 Невольникъ страстей, незнакомыхъ жада-
 ній,

И ярѣя на полѣ подъ знаменемъ брани
 Двухъ Ангеловъ стражей не видѣлъ въ
 тиши.

И былъ я и веселъ и грустенъ порою,
 Разубранный мнѣ еще пылко любилъ.
 И рвалъ я цвѣты, осторожной рукою,
 И много я терній въ пути находилъ.
 Когда жъ моя юность какъ сонъ пере-
 мчалась,

Когда я тѣснѣе сталъ съ міромъ знакомъ,
 И въ сердцѣ одна лишь отрада осталась
 Назвать все бывшее исчезнувшимъ сномъ:
 Я въ этомъ минувшемъ тону какъ въ
 туманѣ,

На образы дѣтства вздыхая гляжу,
 И мысли о доброй покойницѣ нянѣ
 На память я часто себѣ привожу.
 И вотъ изъ тумана возникло видѣнье —
 Блестящій вокругъ разливадается свѣтъ —
 И Ангеловъ стражей знакомыя тѣни
 Мелькнули чрезъ много мнѣ лѣтъ.

Въ раскаты тяжкомъ глужу я направо —
 Стоитъ одинокъ въ далекѣ Серафимъ,
 Смотрю я на лѣво, а Ангелъ лукавый
 Крыломъ покрываетъ меня ужъ своимъ.
 Въ слезахъ сожалѣнья мой Ангелъ дале-
 кій,

И книга бѣла моего бытія;
 А близкій съ исписанной книгой порока
 Смѣется, восторги тая.

Я вздрогнулъ, — молю Серафима, нокрылъ
 У добраго духа спустились къ землѣ,
 Гоню духа злобы, напрасны усилья,
 Стоитъ онъ съ отвагой на грозномъ челѣ.
 И злаго лишь только молитва отводитъ.

Хоть дорого стоитъ мнѣ демона шагъ,
Но Ангелъ мой добрый въ то время под-
ходить
Всегда веселѣе и кротокъ и благъ. . . .

АЛЕКСАНДРЪ ЧУЖБИНСКИЙ.

1839. Февраля 27.
Исковцы.

~~***~~

ОРЕЛЬ.

Надоблачный житель орель быстрокры-
лый

Покинулъ нагую скалу.
Туманъ по долину клубится унылый,
А солнце сіяетъ орлу.
Онъ воленъ, свободенъ надоблачный жи-
тель,

Онъ крыльями рѣжетъ лазурь,
Ударили бури въ земную обитель,
А онъ не пугается бурь.
И царственныхъ крыльевъ широкимъ
размахомъ

Летаетъ надъ массаи тучъ,
Паритъ незнакомый съ ребяческимъ стра-
хомъ:

Властитель пернатыхъ могучь!
Но вотъ за чертою широкаго круга
Ихъ случай съ орлицею свелъ,
Манить его въ лѣсъ благовонный подру-
га —

Спустился на землю орель.
Пернатому жизнь полюбилась земная,
Онъ счастьемъ съ подругой богатъ,
И гость, уже рѣдкій небеснаго края,
Онъ вывелъ красивыхъ орлятъ.
По прежнему смотреть на солнце мо-
гучій —

Тотъ свѣтъ восхищаетъ глаза;
Но лишь не подъ нимъ, а надъ нимъ уже
тучи

И бури и мглы и гроза.
И въ небо во время земной непогоды
Унести его крылья хотять.
Но какъ же? для этой минутной свободы
Ужель онъ покинетъ орлятъ?
И вотъ позабылъ онъ тотъ край отда-
ленный,

Не мчится въ дыму облаковъ —
И цѣлю занять одной неизмѣнной —
Онъ ловить орлятамъ звѣрьковъ.
Но часто порою въ часъ утра заветный

Глядитъ онъ на сводъ голубой —
И видитъ въ лазури чуть точкой замѣт-
ной

Играетъ орель молодой. . . .
Вотъ зависть на время какъ будто зна-
кома

Земному счастливцу орлу, —
Онъ крылья расправилъ, летитъ
и ужъ дома

Къ орлятамъ прислѣл на скалу.
И дѣти встрѣчаютъ его восхищаясь,
И въ знакъ возрастающихъ силъ, —
Они у отца, къ нему нѣжно ласкаясь,
По перышку щиплютъ изъ крыль.

АЛЕКСАНДРЪ ЧУЖБИНСКИЙ.

1838. Февраля 1.
Чучуевъ.

~~***~~

ВОСПОМИНАНИЕ КОЗАКА.

Русь чего не испытала!
Нынче что! А въ старину,
Вотъ какъ дѣдушка бываю,
Поразскажетъ про войну.

.
Нѣтъ, покойникъ зналъ уловку,
Ужъ не бойсь не проморгнетъ!
Если снѣлъ съ стѣны винтовку,
Такъ ужъ даромъ не прійдетъ.
И красавецъ былъ дѣтина!
Чуть не сажень ли въ плечахъ,
А усища въ полъаршина
Завивались на щекахъ.

Нѣтъ! куда теперь тягаться,
Молодымъ до стариковъ;
Было время разгуляться,
Силамъ старыхъ козаковъ.
Дѣдъ не разъ на полъ брани,
Словно дома пировалъ;
И не разъ волну Кубани,
Дѣдовъ конь переплывалъ.
Все случалось! снѣгъ и выюга;
Пуля свищетъ надъ челомъ,
У коня трещитъ подпруга.
Конь упалъ подъ сѣдокомъ. —
Но мой дѣдъ и пѣшій рубить,
Былъ бы цѣль его булатъ;
Попутитъ старикъ не любить,
Врагъ Царя — ему не братъ.

Да! — не разъ надъ головою,
Мечъ на мечъ онъ принималъ;
И Турецкою чалмою,
Кровь на саблѣ вытиралъ.
Для меня минули годы,
Все козакъ — да ужъ не тотъ;
Тяжелы ему походы,
Онъ былого не снесетъ.
Грустно вспомнить про бывшее,
Время чудной старины;
Такъ и бьется ретивое,
Такъ и хочется войны.

ВИДИНІУСЪ.

г. Воронежъ.

Три отрывка изъ Бильдердейка. *)

1.

МОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ,

СТАНСЫ.

(Подражаніе Бильдердейку — юношѣ.)

Малютки звѣздочки, красавицы ночей,
Чей блескъ — не силою лучей,
Но пестротой обворожаетъ взоры, —
Когда вы, съ высоты, миллионамъ очей
Привѣтствуете рощи, горы,
Долину злечную, серебряный ручей!
Что вы и весь вашъ блескъ примащивый,
чудесный,
Когда луна, въ ночи, освѣтитъ сводъ не-
бесный?

*) На дняхъ получилъ я изъ Нидерландовъ цѣлыхъ сорокъ два тома стихотвореній Виллема Бильдердейка, знаменитѣйшаго изъ новѣйшихъ поэтовъ Голландіи, о которомъ говорилъ я въ моемъ „Очеркѣ Голландской литературы.“ Предполагая написать отдѣльную монографію сего великаго человека, который гениальными произведеніями своими, въ продолженіе цѣлаго пятидесятилѣтія, восхищалъ всѣхъ Нидерландскихъ читателей, предлагаю читателямъ Маяка три образчика поэзіи Бильдердейка, отъбивающіе три эпохи его жизни, и знакомящіе съ чувствомъ, характеромъ и умомъ сего даровитаго поэта. П. К.

Часть V. Гл. II.

Цвѣтки желанные, краса луговъ, полей, —
Вы — первенцы весеннихъ дней
Расписанные пурпуромъ и златомъ;
Наперсники, друзья игривыхъ вѣтерковъ!
Что вы — предъ сладкимъ аро-
матомъ,
Предъ дивною красой царицы всѣхъ цвѣ-
товъ, —
Предъ розой пышною, когда надъ поч-
кой алой
Она раскинется, отбросивъ покрывало?

Пичуги нѣжныя, хозяева лѣсовъ,
Пѣвцы на тысячи ладовъ,
Ученики безхитростной природы
Въ восторгъ радости покояща любовь
И нѣгу счастливой свободы;
Чей голосъ сладостный, воспламеня
кровь,
Звучитъ въ осиновои глуши позеленѣлой!
Что всѣ вы, съ пѣснями, предъ страстной
Филомелой?

Зажжега милая *), огонь души моей,
Любимый свѣтъ моихъ очей!
Гдѣ словъ найти на похвалу прекрас-
ной —

Тебѣ, которая между земныхъ пѣвцовъ
Нѣжнѣе Филомелы страстной;
Предъ чьей красой — ничто — царица
всѣхъ цвѣтовъ;
Тебѣ, моя луна межъ свѣтлыми звѣздами;
Тебѣ — мое одно и все — подъ небесами?

2.

БЛАГОДѢЯНІЯ,

АФОРИЗМЪ.

(Подражаніе Бильдердейку — мужу.)

Неблагодарному благотворя народу,
Бросай дары — какъ будто въ воду:
Не жди хвалы отъ рыбъ нѣмыхъ;
Богъ зритъ дѣла твои и Онъ сознаетъ ихъ.

*) O lieve Stokster van myn gloed!

3.

ФИЛОСОФИЯ**ДИАЛОГЪ.***(Подражаніе Билдердейку — старцу)*

— Кто ты? — „Я философъ.“ — А! мудрости искатель? —

„Важнѣ.“ — Кланяюсь; такъ чтоже ты? — „Мудрецъ.“

— Мудрецъ! — „Извѣстный всѣмъ.“ — Не ошибись пріятель:

Не *олей* ли одной наполненъ твой ларецъ? А на *нее* одну товаровъ не скупаютъ; Голодныхъ сытыми въ пирахъ не величаютъ. —

„Я слѣдъ открылъ въ тайникъ всѣхъ знаній.“ — Добрый путь!

Но полно такъ ли, другъ? Прямою ли тропою

Идешь ты, чтобъ потомъ съ дороги не свернуть:

Какъ ленты — стелются стези передъ тобою,

А жизни лугъ широкъ — и миръ тебѣ, атлетъ,

Когда достигнешь ты до цѣли ожиданій! Но сколько есть такихъ, кого — въ концѣ скитаній —

Ждала не истина, а суета суетъ:

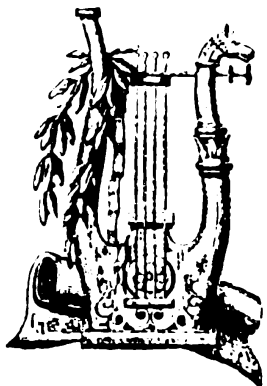
За то, что всѣ они не мудрости искали, А славы мудрецовъ — мищурнаго плаща;

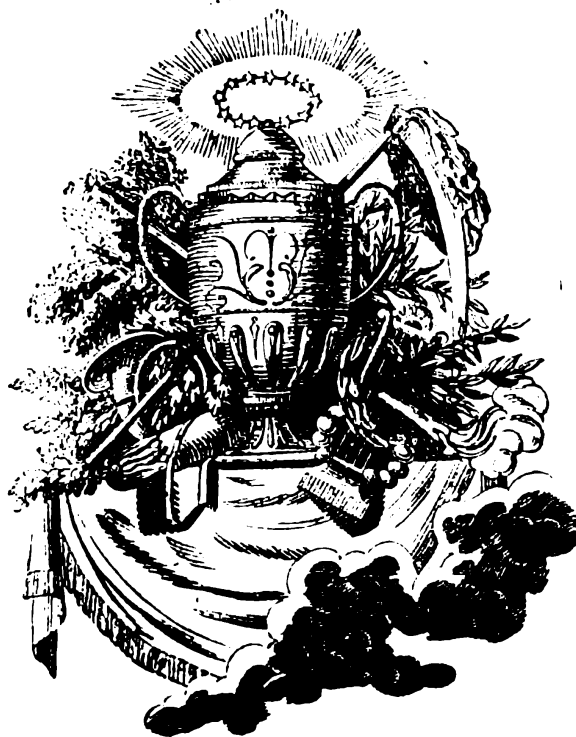
И истина его срывала съ ихъ плеча, И обнаженные въ презрѣннѣ погибали....

Не разъ видалъ я какъ труженикъ иной — Всѣ ноги истоптавъ въ погонѣ за мечтой, Всѣ проглядѣвъ глаза на солнышко, подъ вечеръ —

Своей усталою, измученной рукой —

Ловилъ . . . неумовимый вѣтеръ!!! —

П. КОРСАКОВЪ.

П Р О З А.

—*—*—

ДѢВИЦА ФАНШЕТА

И

ВЗДОРНЫЯ КНИЖИ.

Былъ и я молодъ — теперь уже старикъ. Много вещей плачевныхъ и забавныхъ случилось со мной: тѣ и другія тогда съ ума меня сводили, теперь я отъ души смѣюсь самымъ трагическимъ событіямъ со мной. Расскажу вамъ одно изъ нихъ; но напередъ позвольте пофилософствовать. Что дѣлать, старики вообще брюзгливы: я и этому смѣюсь; а все какъ пофилософствуешь, то будто и солнце теплее грѣетъ. Прошу же прислушаться.

Родъ человеческій дѣлится на двѣ труппы: одна все лжетъ, другая всему вѣритъ. Актеры той и другой труппы поминутно мѣняются ролями: кто сейчасъ солгалъ, тотъ черезъ минуту уже вѣритъ соседней лжи; изъ этого уа еі

vient выходить глубокая философическая истина: *человѣчество поминутно само себя лжетъ и само себя вѣритъ*. Только вотъ что странно: чѣмъ разсудительнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ поддаливѣе на вѣру всякимъ пошlostямъ и вздору, безъ дальнихъ справокъ, и столько же тугъ на вѣру вещамъ истиннымъ, резоннымъ; и наоборотъ, чѣмъ проще, немудрѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ различаетъ истину отъ лжи. Почему это такъ, не берусь объяснить: а что оно такъ, то вы сами все это хорошо знаете по себѣ. Изъ этого выходитъ какъ дважды два, что *впра* есть всеобщая черта и умнаго и глупаго чело-вѣчества: тогда какъ, не погнѣвайтесь, про-свѣщеннымъ разумомъ надѣдено толь-

ко — глупое человечество, т. е. та великая половина его, которая походя мыслит вздоръ, чувствуетъ вздоръ, желаетъ вздоръ и дѣлаетъ вздоръ, вѣрить вздору самымъ разумнымъ, важнымъ, отчетливымъ образомъ; и думаетъ, что она удивительно умна. Это точно такъ: вы можете каждую минуту повѣрить на практикѣ. Всего лучше посмотрите на юное просвѣщенное человечество: что можетъ быть глупѣе вѣры въ свое всезнаніе, всемогіе? и юное человечество отъ души вѣритъ, что оно все знаетъ, что оно все можетъ, что оно — умнѣе всего человечества. Въ эту эпоху вѣра въ самомъ высшемъ развитіи. Конечно дается она для чего нибудь путнаго, высокаго; только употребляется-то она почти сплошь на безпутное, низкое. Но это не мое дѣло. Я хочу только сказать, что молодежь обоего пола всего болѣе практикуетъ свою вѣру въ романахъ, комедіяхъ, повѣстяхъ и водевиляхъ, и ужъ какъ вѣрить всему, что тамъ читаетъ! Да романы же и пишутъ болѣею частью молодежь отъ 20 до 50 лѣтъ включительно; то мудрено ли, что насладуя другъ по другу всякій вздоръ, они переписываютъ тоже самое «своими словами», не справляясь, такъ ли полно все это на свѣтѣ?

Нынѣшнюю нашу (французскую) словесность называютъ неистовою — это несправедливо: она просто — пошлая. Посмотрѣли бы вы на словесность моего времени: вотъ — то была словесность неистовая *par excellence*, достойная бабушка нынѣшней внучки. И какъ тогдашнее человечество вѣрило ей! и всѣми силами старалось на практикѣ воспроизводить ея теоріи. Чуръ не падать въ обморокъ *mesdames*.

Лафонтенъ, Бокаціо, Луветь со всею романическою братіей увѣрили насъ: что всеобщій развратъ повсюду разлился; что каждая молоденькая дѣвушка только и ждетъ — помолвки; о замужнихъ

женщинахъ и говорить нечего: имена ихъ не произносились въ мое время безъ смѣху или таинственной улыбки: это — мудрецы такъ увѣряли насъ — крѣпости, открытыя для каждаго осаждающаго; даже въ медовые мѣсяцы, онѣ уже «вызываютъ желающихъ»: утѣшать ихъ въ пошлостяхъ замужества. . . .

Бѣдные мужья перепугались до смерти! Молиеръ, самъ великій Молиеръ, жертва всеобщей вѣры, ужасно встревожился! и на первый случай изобрѣлъ, въ утѣшеніе мужей, комедію нравовъ; для нихъ и простодушный Лафонтенъ, одинъ изъ правовѣрныхъ современниковъ, писалъ отъ всей души свои сказки, гдѣ такъ рѣзко осмѣивается супружество, какъ величайшая глупость.

Въ старину наряжали Гименѣя въ тунику желтаго цвѣта *croceo velatus amictu*; въ наше время этотъ цвѣтъ былъ — вещь непремѣнная въ гербѣ каждаго женатаго человѣка. А что это правда, въ томъ готовы были поклясться всѣ молодые люди 18-ти и 19-ти лѣтъ. Однако, чтобъ не обидѣть кого изъ моихъ современниковъ и воздержаться отъ всякой личности, я рѣшаюсь пожертвовать собою и на одного себя обращаю общій смѣхъ.

Я вступилъ въ свѣтъ точно съ такими же глубокими понятіями, почерпнутыми вѣрою во все печатное, кромѣ, разумѣется, печатнаго, достойнаго всей нашей вѣры; ничего такого тогда ни кто не читалъ, какъ пошлости, которую все же таки печатно огласили пошлостью, не читавши.

Тогда я только что кончилъ курсъ латини — вещи самой ужасной, и курсъ философіи, изъ которой нашъ профессоръ сѣмьлѣ такъ сдѣлать преглупую науку; та и другая увеличивали четыремя лишними годами время тяжкаго заключенія въ стѣнахъ училища. — Онѣ вообще мнѣ дались очень плохо, за то я сдѣлался страстнымъ любителемъ романовъ; — мнѣ случалось прочесть *les aventures*